

Москва
Театр "Черное НЕБобелсе."

Математика снов и галлюцинаций

Москва, январь - 1996 - 1997 - С.С. БОБЕЛСЕ

ЗАМЕТКИ КРИТИКА

Если театр создан для того, чтобы дать жизнь всему, что затоплено в нем додоознание, то его своеобразная жесткая поэзия выражается в странных действиях...

Среди множества отеческих бедных театров, руководимых мажорами Виктором, Фоманко, Явнишвили и куда менее известными режиссерами, есть откровенно фантастическое создание - театр "Черное НЕБобелсе". Его спектакли появляются то на одних, то на других подмостках и столь же неожиданно исчезают. Они приводят зрителя в странное, полуглухое состояние, близких к трансу. Сценические взаимодействия длятся очень долго, а последующий шумный диалог от невидимых иллюзий еще долго берет, ошарашивая душу, поток непонятности, несомненно, явно выходящий за пределы, порождая удивление, приводящего в малюху алая заводит себя свет. Мираж имен. Артисты не выходят на поклон. На мейсоне посещает добрая мысль: быть мо-

трикающие в темные глубины подознания, гипотетические, наркотические. «ЧНБ» предлагает зрителю совершенно иной, непривычный театр, нежелая приходить видеть прежде. Театр, заведомо обреченный на недопонимание, на ничтожно узкую аудиторию почитателей, на упреки в шаманстве, заведомо и даже жестокости по отношению к публике.

Ариопин - математик, поэтому неочужденной кажется точность, четкость его спектаклей. Очевидно, он увлекался идеями знаменитого французского актера, режиссера и теоретика театра Антонена Арто (1896-1948) и взял у последнего, пожалуй, наиболее перспективное - сценическую метафизику в противовес влиятельной психологии, погружение зрителя в состояние, близких к трансу. Спектакли «ЧНБ» категорически не развлекательны. Они

зычное направление, которое составляют композиторы, оочиющие нечто иное, нежели музыка в привычном понимании. Это не просто авангард. Это не совсем музыка, она не несет в себе привычной законченности формы. Ей нужна какое-то дополнение. Это дополнение блестяще находит Ариопин в своих спектаклях.

Музыка Diamanda Gales, Art Zoyd, Coil и проч. обладает обволакивающим свойством. Она состоит из индустриальных шумов, непонятных звуков, подчиненная равному ритму. Жесткие звуки порой режут слух. Совершенно ясно, что воспринять подобную музыку вне представления было бы крайне сложно. Это альтернатива существующему. Так же «ЧНБ» альтернативен всем существующим в России театрам. И тем не менее это - театр.

Спектакли Ариопина лишены малейшей условности. Он обращается к подознательному, поэтому зрительское восприятие происходящего должно быть аб-

солютно привычной театральностью искусственности. Режиссер как бы балансирует на грани кино и театра, ему удается проникнуть в трещину между этими мирами. Не только проникнуть, но и обжить ее. Он добивается небывалого даже для кинематографа эффекта присутствия.

Правда, есть у Ариопина нечто вроде амиллосой пята: кажется, будто в погоне за «высокими технологиями» он позабыл о том, что театр - создание живое, в нем есть люди - актеры, которые как раз и наполняют его живым движением. Удивительная техничность стороны спектакля, считая ее единственной лидерской разновидностью, постановщик ставит Марселя Солтан и Андрея Ивашева роль послушных маринисток. Рисунок спектакля настолько строг, что кажется, будто автор категорически отказывается от проявления своей воли. При том нельзя не заметить, что «маринистки» живые. Живые, но не люди, не «человеки», а странные образы из кошмарных снов, творение особого разума, рождающего чудовищ. Ариопин создает композицию в духе Боша или Гойи. Заставляет их двигаться, заучить. Солтан и Ивашев будто бы одеты в жемые костюмы, и именно костюмы заставляют актеров следовать их устремлениям. Наверное, здесь возникает конфликт между выходящей силой и человеческим еством. Гармония постановки возникает из математически точного наложения дисгармоний. Артисты играют эти дисгармонии, существуют в них, а режиссерский диктат доводит их до абсолюта.

Ариопин стремится преодолеть театр. Он подводит к нему со стороны «человека». Сюда, «человеческие» дебри, сомненья иррационального, безграничного хаоса, разлад с телом, измерения и страхи он обретает человеческое. Спектакли «ЧНБ» не рассказывают никаких историй, они лишь подталкивают зрителя к нестандартному восприятию мира, заставляя усомниться в верности привычно-ленивого постижения действительности. На час нарушается знакомая система координат. Исчезают пространство и время. Отсутствие конкретности заставляет волноваться, борется тайные устремления, до конца не осознанные.

Упоминательная пластика Солтан и Ивашева являет взору то карликов, то гигантов, то дугловых, то дугловых, то всеобщее нечто неопределимое, апокалиптическое. Кажется, будто актеры лишены скелетов, мышц. Их тела действуют по совершенно иным, «ненатуральным» законам. Они искривляются, трансформируются, вместе с пространственно-временным континиумом. В общем потоке со звуком, светом, сценотрафией они впадают в зрительское подозрение, устраивают там легкое смещение и неожиданно исчезают подобно галлюцинациям, фантомам, миражам, забирая с собой весь инсценированный мир.

Антон ЧАРКИН.

лет, их и вообще на сцене, не было ничего личного, душевного - не более, чем сон, галлюцинация. Но...

Есть автор спектаклей - Дмитрий Ариопин (он же Доктор ДА), исполнители - Марселя Солтан и Андрей Ивашев - всего двоих, а ведь иной раз кажется, будто на сцене двое с половиной, трое, четверо персонажей. Театр "Черное НЕБобелсе" (ЧНБ) родился в 1987 году. За время его Ариопин поставил шесть спектаклей - «Катастрофа ден», «Завода по имени Паулин», «Имфанта», «Деления на тело и тепло», «Здесь был СССР», «Ирригуи Бертрана». Каждый по 45-50 минут. Непредельные по жанру, абсолютные, бессюжетные,

лишены даже отлекающего свойства. Арто стремился превратить пьесы о ног на голову, «боролся» со словом. Ариопин вообще отказался от драматургии и от какого бы то ни было текста. В то же время не соблазнился импровизацией, предпочтя ей жесткую постановочную схему-конструкцию. Наверное, поэтому одна из неудач Арто (опыт француз был неудачным) его минувала - случайные нелюбости в спектаклях «ЧНБ» невозможны. Француз пытался заполнить пространство звуком, но явно не располагая желанными средствами. Новые техника способна воплощать самые, казалось бы, непредсказуемые идеи. Но не только техника. Существует целое му-

солютно безусловным. С первых же секунд публика попадает в непрерывный поток спектакля. Ариопин сам занимается светом, сценотрафией, звуком, спецэффектами. В достижении намеченного он проявляет истинно математическую точность, скрупулезность. «ЧНБ» используют полностью цифровой звук, вышедший пространственную систему акустики. Сверхотзывчивый и чистотой реализованный аудиовизуальный комплекс позволяет добиться чуть ли не волшебного эффекта. Крохотная сценическая площадка может являть небывалую глубину. Неявно задумывавшиеся в реальности пытки измещения свет, звук, декорации, их изменение заставляют забыть